

Таким чином, правові архетипи сприяють збереженню, а також відновленню всієї самобутності й специфічності слов'янської правової традиції. Крім того, збереження правових архетипів, сприяє зміцненню правокультурного фундаменту, що є основою для відтворення національної правової системи, ієрархії образів, символів, моделей і форм правової поведінки.

ТИЩЕНКО Ю. В.

Национальный университет «Одесская юридическая академия»,
старший преподаватель кафедры теории государства и права

**МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ИСТОКИ СОВРЕМЕННОГО
УГОЛОВНОГО ПРАВА**

Современное позитивное право часто рассматривается как рациональная структура правовых предписаний, в которой каждое положение может быть логически обосновано и объяснено. Между тем, в позитивном праве можно найти множество мифологических рудиментов, которые выступают в качестве симулякров глубинных переживаний и апелляций к высшему порядку или процедуре. Эти нерациональные по своей природе представления и убеждения играют важную роль в объяснении содержания многих современных правовых норм и институтов. Так, с точки зрения правовых мифов можно охарактеризовать преступления, связанные с проникновением в жилище, клеветой и осквернением могил.

Например, ст. ст. 30–31 Конституции Украины закрепляют право каждого на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту чести и доброго имени, тайну переписки, телефонных переговоров, телеграфных и иных сообщений и корреспонденции. При этом ч. 2 ст. 32 Конституции запрещает сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия. Эти положения находят свое продолжение также в уголовном законодательстве. Так, ст. 163 Уголовного кодекса Украины устанавливает уголовную ответственность за нарушение тайны переписки, телефонных разговоров, телеграфной или иной корреспонденции, которые передаются средствами связи или через компьютер, а ст. 182 содержит состав преступления «незаконное проникновение в жилище или иного владения лица, незаконное проведение в них обыска или осмотра, а также незаконное выселение и иные действия, нарушающие неприкосновенность жилища граждан».

Представляется, что эти и подобные нормы являются рецепированными положениями древнего обычного права, охранявшими имя

человека, продукты его жизнедеятельности, личные вещи для предотвращения нанесения вреда. В свою очередь в древнее обычное право эти положения пришли из мифологии, где они были порождением так называемого «магического мышления». В магическом мышлении вещи, жилище и то, что сегодня называют «личным пространством» человека рассматривались как продолжение его тела. Посягательство на жилище — это посягательство на тело человека, на его духовное продолжение. Как утверждал А. Р. Рэдклифф-Браун, в первобытном обществе жилищу был свойственен особый тотемизм. Оно охранялось, освящалось и считалось своеобразным магическим кругом (Рэдклифф-Браун А. Р. Структура и функция в примитивном обществе. — М., 2001. — С. 112–118). В обыденном языке также можно найти отображение этого мифологического смысла, в частности, в виде поговорки «Мой дом — моя крепость».

Мифологические корни имеет также уголовная ответственность за клевету, которую несколько раз пытались внедрить в законодательство Украины по образцу Российской Федерации. Под клеветой украинские и российские законодатели понимают распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица или подрывающих его репутацию. В качестве квалифицированных составов УК РФ и соответствующий законопроект о внесении изменений в УК Украины называют: клевету, содержащуюся в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении или средствах массовой информации; клевету, совершенную с использованием своего служебного положения, а также клевету, соединенную с обвинением лица в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления.

Несмотря на всю спорность уголовного наказания за клевету, политическую подоплеку попыток внесения соответствующего положения в УК Украины, клевета как юридическое понятие интересна, прежде всего, с точки зрения рассмотрения мифологических рудиментов в современном законодательстве.

Выдающийся антрополог Д. Фрэзер в своей «Золотой ветви» доказывал, что древний человек полагал, будто связь между именем и лицом либо предметом и его названием вполне материальна, потому через имя магическое воздействие на индивида оказать так же легко, как через волосы, ногти и другие «телесные принадлежности», используемые в магии. А магическое воздействие ничуть не безопаснее встречи с врагом: тот, чьим именем, волосом или кусочком ногтя завладел враг, подвергается не меньшей опасности, чем тот, в кого противник готовится метнуть копьё. Поэтому здравый смысл и генетическая память требуют не проявлять излишней беспечности и употреблять свое и чужие имена как можно реже (Фрэзер Д. Золотая ветвь. — М., 1984. — С. 212).

Запрет на произнесение имени безотносительно к контексту, в котором оно употребляется, был продиктован заботой о человеке.

Соблюдение этого запрета являлось такой же необходимостью, как теперь следование правилам техники безопасности. Запрет на произнесение чужих имен нашел логическое продолжение в современных нормах, закрепляющих право каждого на неприкосновенность частной жизни. Имя древнего человека было столь информативно насыщенным понятием, так много разных смыслов было заложено в нем, что оно вполне могло служить информацией о частной жизни лица. Именно поэтому клевета в первую очередь связана с неправомерным использованием имени, когда о человеке говорят без его ведома, очерняяют его магическое «я».

Мифологические рудименты, впрочем, присутствуют не только в нормах, касающихся использования имени и сопутствующим ему действиям. Так, в обычном праве многих народов существует норма, охраняющая неприкосновенность духа умершего. Эта норма вошла и в официальные законодательные акты. Так, в УК Украины это ст. 297 — надругательство над телами умерших, могилами и местами их захоронения, а также незаконное завладение телом (останками, прахом) умершего.

Важный стимул человеческого поведения — неизбывное желание остаться в памяти будущих поколений, преодоление физической смерти. Продолжение памяти о человеке всегда связано с его «овеществлением»: в виде могилы, праха, останков и т.д. Древний человек верил, что после смерти человек не покидает этот мир полностью, а начинает словно пребывать в двух мирах одновременно: мире тел и мире духов. Поэтому осквернение останков разрывает связь между этими двумя мирами, и с духом умершего больше нельзя будет общаться посредством магических практик.

Таким образом, рудиментарное отображение правовых мифов в отдельных институтах уголовного права демонстрирует глубинную культурную связь мифологического и логического мышления, их общую направленность на регулирование общественных отношений.